

ПЕРЕВОДЫ

Юрген Хабермас

Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия *

Понятие коммуникативной рациональности, вытекающее из предварительного анализа использования слова «рациональный», а также из анализа антропологических дебатов по поводу установки модерна в отношении понимания мира, требует более точного разъяснения. При решении данной задачи я буду следовать не прямым, а косвенным путем формально-прагматического прояснения понятия коммуникативного действия, которое (прояснение), в свою очередь, будет осуществляться в границах систематического рассмотрения определенных историко-теоретических позиций. Прежде всего можно зафиксировать, что понятие коммуникативной рациональности необходимо анализировать, руководствуясь как путеводной нитью понятием языкового взаимопонимания. Понятие взаимопонимания отсылает к достигнутому между участниками рационально мотивированному согласию, определяемому притязаниями на значимость, которые могут быть подвергнуты критике. Притязания на значимость (пропозициональная истинность, нормативная правильность и субъективная правдивость) характеризуют различные категории знания, воплощаемого в символических выражениях. Эти выражения могут быть проанализированы более детально, а именно, с одной стороны, с точки зрения того, как такие выражения могут быть обоснованы, с другой стороны, с точки зрения того, как действующие субъекты устанавливают с их помощью отношения к чему-то в мире. Понятие коммуникативной рациональности отсылает, соответственно, с одной стороны, к различным формам дискурсивного осуществления притязаний на значимость (в связи с этим Велмер говорит также о «дискурсивной» рациональности); с другой стороны, — к отношениям к миру, которые устанавливают коммуникативно действующие субъекты, выдвигая относительно своих выражений притязания на значимость — поэтому децентрирование миропонимания оказалось важнейшим измерением развития мировоззрения. Я не буду далее следовать линии аргументативно-теоретических рассуждений; если же возвратиться теперь к выдвинутому вначале тезису о том, что для любой социологии, претендующей на статус теории общества, проблема рациональности лежит одновременно и в метатеоретической, и в методологической плоскости, то мы столкнемся с необходимостью вступить на путь исследования формальных концептов мира.

Первый частный тезис я хотел бы обосновать с помощью прояснения «онтологических» — в широком смысле — предпосылок *четырех понятий действия*, ставших релевантными для формирования социально-научных теорий. Я попытаюсь прояснить рациональность этих понятий путем анализа предполагаемых в каждом случае *отношений между действующим субъектом и миром*. В целом в социологических теориях действия взаимосвязь между социальными действиями и отношениями действующего субъекта к миру не прояснена. Исключение составляет заслуживающее интереса

*Habermas J. Weltbezüge und Rationalitätsaspekte des Handelns in vier soziologischen Handlungsbegriffen // Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1992. 3. Aufl. S. 114-151.

© Тягунова Т., 2008.

© Центр фундаментальной социологии, 2008.

использование Я. Ч. Джарви попперовской теории трех миров¹. С целью дальнейшего развития предварительно введенных мной понятий объективного, социального и субъективного миров, я обращусь сначала к попперовской теории третьего мира (1). Затем я проанализирую понятия телеологического, нормативно регулируемого и драматургического действий в категориях «действующий субъект» — «отношения к миру» (2). Данные реконструкции позволят мне далее ввести понятие коммуникативного действия (3).

(1) Попперовская теория трех миров применительно к теории действия

В своем докладе «Эпистемология без познающего субъекта», прочитанном в 1967 году, Поппер неожиданно выдвинул следующий тезис: «...мы можем различить следующие три мира, или универсума: во-первых, мир физических объектов или физических состояний; во-вторых, мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний, и, возможно, диспозиций к действию; в-третьих, мир *объективного содержания мышления*, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства»². Позже Поппер говорит о мире «продуктов человеческого духа» вообще³. Он подчеркивает, что даже те внутренние отношения между символическими продуктами, которые только ждут своего обнаружения и прояснения со стороны человеческого духа, должны быть причислены к третьему миру⁴. С учетом нашего контекста, рассуждения специального эпистемологического характера, которые побуждают Поппера примкнуть к понятию «мысли» Фреге, принять гуссерлевскую критику психологизма и сохранять за семантическим содержанием символических, как правило, объективированных в языке продуктов человеческого духа независимый от ментальных актов и состояний статус, столь же мало интересны, как и предложенное Поппером особое решение, разработанное им с помощью концепта третьего мира применительно к проблеме отношения между духом и телом⁵. Интерес представляет, однако, то обстоятельство, что Поппер в обоих случаях полемирует с эмпиристским принципом, согласно которому субъект непосредственно противостоит миру, получает из него благодаря чувственным восприятиям свои впечатления или воздействует посредством своих действий на состояния в нем.

Рассмотрение проблемы в таком контексте позволяет объяснить, почему Поппер понимает свое учение об объективном духе как расширение эмпиристского принципа и вводит понятие объективного, равно как и субъективного духа в качестве «миров», т. е. особых совокупностей *сущностей*. Более ранние теории объективного духа, развивавшиеся в историцистской и неогегельянской традициях начиная с Дильтея и вплоть до Теодора Литта и Ханса Фрайера, исходят из примата деятельного духа, *разворачивающего* себя в конституированных им мирах. В противоположность этому Поппер придерживается примата мира над духом и понимает второй и третий миры по аналогии с первым *онтологически*. С этой точки зрения его конструкция третьего мира напоминает скорее теорию духовного бытия Николая Гартмана⁶.

Мир является совокупностью того, что происходит; и то, что происходит, может быть зафиксировано в форме истинных высказываний. Исходя из этого общего концепта мира, Поппер специфицирует понятия первого, второго и третьего миров через способ существования положений дел. В зависимости от того, к какому из трех миров они принадлежат, сущности обладают специфическим способом бытия: речь идет о физических

¹ Jarvie I. C. Die Logik der Gesellschaft. Über den Zusammenhang von Denken und sozialem Wandel. München: List, 1974. P. 227 ff.

² Поппер К. Эпистемология без познающего субъекта / Пер. с англ. Л. В. Блинникова // Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 439.

³ Popper K. R., Eccles J. C. (ed.). The Self and its Brain. Berlin-Heidelberg-New York: Springer, 1977. P. 38.

⁴ Popper K. R. Reply to my Critics // Schilp P. A. (ed.). The Philosophy of K. Popper. II, La Salle, Ill, 1974. P. 1050.

⁵ Popper, Eccles, 1977. P. 100 ff.

⁶ Гартман Н. Проблема духовного бытия. Исследования к обоснованию философии истории и наук о духе // Культурология. XX век. Антология. М., 1995.

объектах и событиях; о ментальных состояниях и эпизодах внутренней жизни; о семантических содержаниях символических продуктов. Аналогично тому, как Николай Гартман проводит различие между объективированным и объективным духом, Поппер проводит различие между эксплицитными семантическими содержаниями, которые уже *воплощены* в фонах и буквах, в цвете или камне, в машинах и т. д., и теми имплицитными семантическими содержаниями, которые еще не «обнаружены», еще не представлены наглядно в объективных носителях первого мира, а лишь внутренне присущи воплощенным значениям.

Эти *«unembodied world 3 objects»*⁷ являются важным индикатором независимости мира объективного духа. Хотя символические продукты и производятся продуктивным человеческим духом, сами эти продукты предстают перед субъективным духом в объективности хрупкой, проблематичной, непрозрачной смысловой взаимосвязи, которая может быть раскрыта лишь благодаря интеллектуальной работе. *Продукты* человеческого духа тут же оборачиваются встающими перед ним *проблемами*. «Эти проблемы явно *самостоятельны*. Они никоим образом не создаются нами; скорее мы *обнаруживаем* их, и в этом смысле они существуют уже до их обнаружения. Кроме того, по крайней мере некоторые из этих проблем, вполне вероятно, неразрешимы. Чтобы решить их, мы, возможно, изобретаем новые теории. Эти теории действительно создаются нами: они являются продуктом нашего критического и творческого мышления, где значительную помощь нам оказывают другие теории из третьего мира. Но, будучи однажды созданными, эти теории производят впоследствии новые, не предусматривавшиеся ранее и неожиданные проблемы, самостоятельные проблемы, которые должны быть обнаружены. Этим объясняется то, почему третий мир, который по своему происхождению является нашим продуктом, все же с точки зрения его, так сказать, онтологического статуса *самостоятелен*. Этим объясняется и то, почему мы можем оказывать воздействие на него, хотя ни один человек не владеет даже малой его частью. Мы все вносим свой вклад в его развитие, и все же все эти отдельные вклады ничтожно малы. Мы все пытаемся постигнуть его, и ни один из нас не может жить вне связи с ним, поскольку все мы пользуемся языком, без которого едва ли были бы людьми. И все же третий мир давно превысил пределы понимания не только отдельного человека, но и всего человечества (как показывает существование нерешенных проблем)»⁸.

Из такого определения статуса третьего мира вытекают два примечательных следствия. Первое касается *взаимодействия между мирами*, второе — *когнитивистски ограниченной интерпретации третьего мира*.

Согласно точке зрения Поппера, первый и второй миры находятся в таком же непосредственном взаимообмене, как второй и третий. Первый же и третий миры взаимодействуют лишь посредством второго. Это означает отказ от двух основополагающих эмпиристских пониманий. С одной стороны, сущности третьего мира не могут быть редуцированы в качестве форм выражения субъективного духа к ментальным состояниям, т. е. к сущностям второго мира; с другой стороны, отношения между сущностями первого и второго миров не могут быть поняты исключительно на основании каузальной модели, имеющей силу для взаимоотношений между сущностями первого мира. Поппер порывает как с психологистским пониманием объективного духа, так и с физикалистским пониманием субъективного духа. Автономия третьего мира гарантирует скорее то, что познание, равно как и вмешательство в состояния объективного мира, опосредованы обнаружением собственного смысла внутренних смысловых взаимосвязей: «...и поэтому нельзя понимать третий мир просто как некое выражение второго мира или второй мир как всего лишь отражение третьего»⁹.

* Нематериальные объекты третьего мира (англ.). – Прим.перев.

⁷ Popper, Eccles, 1977. P. 41 ff.

⁸ Popper, Eccles, 1977. P. 180 f.

⁹ Popper, Eccles, 1973. P. 168 f.

С другой стороны, Поппер все же остается привязанным к эмпиристскому контексту, от которого стремится отмежеваться. В центре его рассмотрения находятся когнитивно-инструментальные отношения как между познающим и действующим субъектом, так и происходящими в объективном мире вещами и событиями. Именно они и определяют взаимоотношения между субъективным и объективным духом. Процесс производства, отчуждения, постижения и присвоения продуктов человеческого духа служит в первую очередь росту *теоретического* и расширению *технически применимого знания*. Развитие науки, которое Поппер понимает как кумулятивный циклический процесс, имеющий место между исходной проблемой, творческим формулированием гипотез, их критической проверкой, ревизией и обнаружением новой проблемы, служит не только в качестве модели проникновения субъективного духа в мир объективного; скорее третий мир *состоит*, согласно Попперу, *по существу* из проблем, теорий и доказательств. Хотя Поппер и упоминает наряду с теориями и инструментами социальные институты, а также произведения искусства как примеры сущностей третьего мира, он видит в них лишь варианты воплощения пропозициональных содержаний. Строго говоря, третий мир — это совокупность «мыслей», по Фреге, независимо от того, истинны они или ложны, воплощены или нет: «Теории, или утверждения, или высказывания — важнейшие языковые объекты в третьем мире».

Поппер понимает третий мир не только онтологически как совокупность сущностей, характеризующихся определенным способом бытия, но и в этих границах *односторонне* исходя из абстрактной перспективы развития науки: третий мир содержит поддающиеся научной проработке когнитивные составляющие культурной традиции. Оба аспекта оказываются осязаемыми ограничениями при попытке применить попперовское понятие третьего мира для основания социологии. Я. Ч. Джарви опирается на получившую развитие благодаря Альфреду Шюцу феноменологическую социологию знания, понимающую общество как основывающееся на интерпретационных процессах действующих субъектов и получающее объективацию социальное конструирование повседневного мира¹⁰. Однако онтологический статус жизненных взаимосвязей общества, которые производятся человеческим духом, но все же сохраняют по отношению к нему относительную самостоятельность, Джарви анализирует на основе модели третьего мира: «Мы показали, что общественное есть независимая область между „твердым“ материальным и „мягким“ ментальным мирами. Эта область, эта действительность, этот мир — как бы мы ни назвали его — довольно разнообразен и комплексен, и люди, живущие в обществе, постоянно стремятся посредством производства практического опыта совладать с этим миром, картографировать его и согласовать соответствующие карты. Жизнь в неудобно большом и изменяющемся обществе не позволяет осуществить ни окончательное картографирование, ни окончательное согласование карт. Это значит, что члены общества постоянно обучаются чему-то в отношении данного общества; как общество, так и его члены находятся в непрерывном процессе самообнаружения и самопроизводства»¹¹. Предложенный взгляд, с одной стороны, проливает свет на интересную взаимосвязь между социологическим понятием действия и предполагаемыми им отношениями действующего субъекта к миру. С другой стороны, *перенос попперовской теории трех миров* из контекста *теории познания* в контекст *теории действия* обнаруживает слабость данной конструкции.

Адаптируя попперовское понятие третьего мира к характеристике общественных отношений и институтов, Джарви вынужден изображать социально действующих субъектов по образцу создающих теории и решающих проблемы ученых; в жизненном мире повседневные теории конкурируют аналогично тому, как в коммуникативном сообществе исследователей конкурируют научные теории: «Люди, живущие в обществе, должны ориентироваться относительно того, как достигать того, чего они хотят, и как избегать того,

¹⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

¹¹ Jarvie, 1974. P. 254 f.

чего они не хотят. Можно было бы сказать, что они составляют для этого абстрактно-понятийную карту общества в его отдельных чертах и наносят на эту карту свои собственные позиции, пути, ведущие к их целям, и опасности по краям различных путей. Эти карты в некотором смысле „мягче“ чем географические: как и карты, рисуемые в воображении, они создают ландшафт, изображением которого являются. В определенном смысле они представляют собой все же „более твердую“ реальность: географические карты никогда не являются реальными, отображая, тем не менее, иногда реальные ландшафты, общественные же карты, напротив, *являются* ландшафтами, которые другие люди могут изучить и картографировать»¹². Предложенный взгляд связан, как минимум, с тремя сложностями.

(а) Прежде всего Джарви стирает различие между перформативной и гипотетико-рефлексивной установкой к культурным традициям. В повседневной коммуникативной практике действующий субъект, чтобы достичь способных стать консенсуальными определений ситуации, пользуется общезначимым культурным запасом знания. При этом могут возникать расхождения, вынуждающие производить ревизию отдельных образцов истолкования; но это еще не значит, что совершенствуемое традицией применение культурно передаваемого знания равнозначно квазинаучной проработке систематически подвергаемого сомнению знания. Под давлением необходимости принятия решения относительно действий в сложившейся ситуации профан вступает во взаимодействие с целью координации действий участников через процесс взаимопонимания, т.е. на основе общезначимого, культурно обусловленного знания. Конечно, и ученый принимает участие во взаимодействии; но в его случае совместные процессы истолкования служат тому, чтобы подвергнуть проверке действительность проблематичных составляющих знания. Цель — не координация действий, а критика и расширение знания.

(б) Кроме того, Джарви пренебрегает теми составляющими культурной традиции, которые не могут быть сведены к «мыслям» или способным быть истинными высказываниям. Он ограничивает объективные смысловые взаимосвязи, одновременно производимые и обнаруживаемые действующими субъектами, *когнитивными* — в узком смысле — *образцами истолкования*. С этой точки зрения попперовская модель третьего мира особенно неубедительна; поскольку для взаимодействия важнее направляющая действия сила культурных ценностей, нежели сила теорий. Либо статус социальных сущностей приравнивается к статусу теорий; тогда оказывается необъяснимым то, как структуры общества могут создавать мотивы действий. Либо о модели научных теорий в строгом смысле слова речи не идет, поскольку в повседневных теориях описательные, нормативные и оценочные смыслы взаимопереплетаются; тогда вполне можно представить обратную связь между мотивами и концептом третьего мира. Но эта версия потребовала бы расширения попперовской версии третьего мира в том смысле, что нормативная реальность общества обязана своей самостоятельностью по отношению к субъективному духу не — и даже не преимущественно — автономии притязаний на истинность, а обязательному характеру ценностей и норм. Тогда возникает вопрос, как важные для социальной интеграции составляющие культурных традиций могут быть поняты в качестве системы знания и как они могут быть объединены с аналогичными истинностным притязаниями на значимость.

(в) Наиболее слабой стороной, на мой взгляд, является, наконец, то, что предлагаемый Джарви взгляд не предусматривает различия между культурными ценностями и институциональным воплощением ценностей в нормах. Институты должны формироваться на основе осуществляемых действующими субъектами процессов взаимопонимания (и приобретать по отношению к ним все большую силу объективной смысловой взаимосвязи) аналогично тому, как, согласно представлению Поппера, проблемы, теории и доказательства формируются на основе процессов познания. С помощью этой модели мы можем объяснить концептуальную природу и относительную самостоятельность социальной реальности,

¹² Jarvie, 1974. P. 248.

однако не в состоянии объяснить специфическую сопротивляемость и принудительный характер действующих норм и существующих институций, благодаря которому социальные продукты отличаются от культурных. Джарви сам замечает в одном месте: «Но в отличие от правильных мыслей, статус которых не оказывается под угрозой вследствие всеобщего неверия, социальные сущности могут оказаться в опасности вследствие всеобщего неверия — широко распространившегося нерасположения принимать их всерьез»¹³. Поэтому необходимо отличать область институционализированных ценностей — в смысле Парсонса — от области «свободно парящих» культурных ценностей; последние не обладают таким же обязательным характером, как и легитимные нормы действия.

На мой взгляд, стратегия Джарви, использующая попперовскую теорию трех миров, имеет инструктивный характер, поскольку раскрывает входящие в социологические понятия действия *онтологические предпосылки*. Если мы хотим избежать слабых сторон, присущих тому, что предлагает Джарви, требуется, разумеется, ревизия положенной им в основу теории трех миров. Конечно, культурные объективации не могут быть редуцированы ни к генеративной деятельности познающих, говорящих и действующих субъектов, ни к пространственно-временным, каузальным отношениям между вещами и событиями. Поэтому Поппер рассматривает семантические содержания символических продуктов в качестве сущностей «третьего мира». В основу этого концепта он кладет введенное им для определения совокупности сущностей онтологическое понятие «мир». Прежде чем это понятие обнаружит свою плодотворность для теории действия, оно должно быть модифицировано в трех упомянутых выше отношениях.

а) Вначале я хотел бы заменить онтологическое понятие мира конститутивно-теоретическим и ввести понятийную пару «мир» и «жизненный мир». Последнее суть сами обобществленные субъекты, которые — участвуя в совместных процессах истолкования — имплицитно используют концепт мира. При этом культурная традиция, введенная Поппером под термином «продукты человеческого духа», наделяется различными ролями в зависимости от того, функционирует ли она как культурный запас знания, на основании которого участники взаимодействия производят свои интерпретации, или сама становится предметом интеллектуальной проработки. В *первом* случае разделяемая некоторым сообществом культурная традиция является конститутивной для жизненного мира, который отдельный член застает уже содержательно проинтерпретированным. Этот intersубъективно разделяемый *жизненный мир* образует фон для коммуникативных действий. Поэтому такие феноменологи, как А. Шюц, говорят о жизненном мире как о данном в нетематизированном виде горизонте, внутри которого совместно движутся участники коммуникации, устанавливая тематическое отношение к чему-то в *мире*. Во *втором* случае отдельные составляющие культурной традиции сами становятся темой. При этом участники должны принять рефлексивную установку по отношению к имеющимся в культуре образцам истолкования, которые, как правило, собственно и *делают возможной* их интерпретационную деятельность. Эта смена установки означает, что действительность тематизированных образцов истолкования временно приостанавливается, а соответствующее знание проблематизируется; одновременно благодаря смене установке осуществляется категоризация проблематичной составляющей культурной традиции с точки зрения некоего положения дел, на которое можно сослаться объективирующим образом. Попперовская теория третьего мира объясняет, каким образом культурные семантические содержания и символические объекты получают ту или иную осмысленность в мире и одновременно выделяются как более высокого порядка объекты (наблюдаемых) физических и (переживаемых) ментальных событий.

б) Далее я хотел бы преодолеть односторонность когнитивистского понимания понятия «объективный дух» в пользу дифференцированного в соответствии с несколькими притязаниями на значимость понятия культурного знания. Попперовский третий мир

¹³ Jarvie, 1974. P. 236.

охватывает доступные в рефлексивной установке сущности более высокого порядка, сохраняющие по отношению к субъективному духу относительную самостоятельность, поскольку, будучи соотносимыми с истиной, они образуют сеть поддающихся исследованию проблемных взаимосвязей. На языке неокантианства можно было бы сказать, что третий мир пользуется независимостью сферы значимости. *Способные быть истинными* сущности третьего мира находятся в особом отношении к *первому* миру. Проблемы, теории и доказательства, причисляемые к третьему миру, служат, в конечном счете, описанию и объяснению событий первого мира. И тот, и другой опять же опосредованы миром субъективного духа, актами познания и действия. При этом не-когнитивные составляющие культуры оказываются в своего рода маргинальном положении. Но именно они значимы для социологической теории действия. Из перспективы теории действия активность человеческого духа с трудом может быть ограничена когнитивно-инструментальным рассмотрением внешней природы; социальные действия ориентированы на культурные ценности. Однако последние не имеют никакого отношения к истине.

Таким образом, возникает следующая альтернатива: либо мы отказываем не-когнитивным составляющим культурной традиции в том статусе, который получают сущности третьего мира благодаря своей укорененности в сфере значимых связей, и эмпирически классифицируем их в качестве форм выражения субъективного духа; либо мы ищем *эквиваленты не связанного с истиной отношения*.

Второй путь, как мы увидим, выбирает Макс Вебер. Он различает несколько культурных сфер ценностей — науку и технику, право и мораль, а также искусство и критику. Не-когнитивные сферы ценностей также образуют сферы значимости. Представления о праве и морали могут подвергаться критике и анализу с точки зрения нормативной правильности, произведения искусства — с точки зрения аутентичности (или красоты), т. е. они могут прорабатываться как самостоятельные области проблем. Вебер понимает культурную традицию *в целом* как запас знания, на основе которого при различных притязаниях на значимость могут формироваться особые сферы ценностей и системы знания. Поэтому оценочные и экспрессивные составляющие культуры он также причислил бы, как и когнитивно-инструментальные, к третьему миру. Выбирая данную альтернативу, необходимо, разумеется, разъяснить, что следует понимать под «значимостью» и «знанием», имея в виду не-когнитивные составляющие культуры. Они не могут соотноситься с сущностями первого мира таким же образом, как теории и высказывания. Культурные ценности не выполняют функции представления.

в) Эта проблема позволяет освободить понятие мира от его ограничивающих *онтологических* коннотаций. Поппер вводит различные понятия мира, чтобы разграничить регионы бытия *внутри* одного объективного мира. В более поздних публикациях он считает нужным говорить не о различных мирах, а об *одном* мире с индексами 1, 2 и 3¹⁴. В противоположность этому я бы хотел настоять на том, чтобы вести речь о трех мирах (которые необходимо отличать от жизненного мира). Из них лишь один, а именно объективный мир, может пониматься как коррелят совокупности истинных высказываний; лишь за этим понятием может быть удержано онтологическое значение совокупности сущностей в строгом смысле. В целом же в совокупности эти миры образуют систему отношений, совместно предполагаемую участниками коммуникативных процессов. С помощью этой системы отношений участники устанавливают, относительно чего *вообще* возможно взаимопонимание. Участники коммуникации, достигающие взаимопонимания относительно чего-либо, устанавливают не только отношение к одному объективному миру, как на этом настаивает господствующая в эмпиризме до-коммуникативная модель. Они ни в коем случае не вступают в отношения не только с чем-то, что имеет место или может возникнуть или быть порождено в объективном мире, но также и с чем-то в социальном или в субъективном мире. Говорящий и слушающий располагают *системой в равной мере*

¹⁴ Popper, 1974. P. 1050. Поппер заимствует эту терминологию у: Eccles J. C. Facing Reality: Philosophical Adventures by a Brain Scientist. Berlin-Heidelberg-New York: Springer, 1970.

изначальных миров. Благодаря пропозиционально дифференцированной речи, они владеют не только, как настаивает попперовское разделение на низшие и высшие языковые функции, уровнем, на котором могут быть представлены положения дел; скорее, на одном и том же эволюционном уровне располагаются все три функции: представления, апелляции и выражения.

(2) Три понятия действия, дифференцированные в соответствии с отношениями между действующим субъектом и миром

Далее я не буду пользоваться терминологией Поппера. Я опираюсь на попперовскую теорию трех миров — так, как ее применяет для анализа действия Джарви — исключительно для того, чтобы выдвинуть тезис о том, что, в общем и целом, вместе с выбором определенного социологического понятия действия мы принимаем и определенные онтологические предпосылки. От отношений к миру, которые мы приписываем тем самым действующему субъекту, зависят опять же аспекты возможной рациональности его действий. Многообразие большей частью имплицитно применяемых в социальных теориях понятий действия можно свести, в сущности, к четырем хорошо различимым в аналитическом плане основным понятиям.

Понятие *телеологического действия* находится, начиная с Аристотеля, в центре философской теории действия¹⁵. Действующий субъект реализует цель или добивается возникновения желаемого состояния, выбирая в наличной ситуации предвещающие успех средства и применяя их надлежащим образом. Центральное понятие — это направленное на реализацию цели, соотносящееся с правилами и опирающееся на истолкование ситуации понятие *принятия решения* в пользу одного из альтернативных способов действия.

Модель телеологического действия находит свое продолжение в модели *стратегического действия*, когда в расчет на успех действующего субъекта может входить ожидание относительно решений, принимаемых другим, как минимум одним, ориентированным на достижение цели действующим субъектом. Данная модель действия часто трактуется утилитаристски; в таком случае предполагается, что действующий субъект выбирает и рассчитывает средства и цели с точки зрения максимизации пользы или ожиданий пользы. Эта модель действия лежит в основе экономических, социологических и социально-психологических подходов, связанных с теорией принятия решений и теорией игры¹⁶.

Понятие *нормативно регулируемого действия* касается не поведения принципиально одинокого действующего субъекта, обнаруживающего в своем окружении других действующих субъектов, а членов социальной группы, ориентирующих свои действия на общие ценности. Отдельный действующий субъект следует норме (или нарушает ее), как только в наличной ситуации оказываются выполнены условия, в отношении которых применяется норма. Нормы выражают существующее в какой-либо социальной группе согласие. Все члены группы, для которых имеет силу определенная норма, вправе ожидать друг от друга, что в определенных ситуациях они выполнят или откажутся от выполнения требуемых действий. Центральное понятие *следования нормам* означает реализацию обобщенного ожидания поведения. Ожидание поведения имеет не когнитивный смысл ожидания предсказанного события, а нормативный смысл, связанный с тем, что члены

¹⁵ *Bubner R.* *Handlung, Sprache und Vernunft.* Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1976. P. 66 ff.

¹⁶ В связи с теорией принятия решений ср.: *Simon H.* *Models of Man.* New York: Wiley, 1957; *Gäfen G.* *Theorie der wirtschaftlichen Entscheidung. Untersuchungen zur Logik und ökonomischen Bedeutung des rationalen Handelns.* 2. Auflage. Tübingen, 1968; *Krelle W.* *Präferenz- und Entscheidungstheorie.* Tübingen: Mohr, 1968; в связи с теорией игры: *Льюис Р. Д., Райфа Г.* *Игры и решения. Введение и критический обзор / Пер. с англ. И. В. Соловьева.* Под ред. Д. Б. Юдина. М.: Иностранная литература, 1961. 642 с.; *Shubik M.* (Hg.). *Spieltheorie und Sozialwissenschaften.* Frankfurt/Main: Fischer, 1965; в связи с социально-психологическими подходами, основанными на теории обмена: *Ekeh P. P.* *Social Exchange Theory: The Two Traditions.* London: Heinemann, 1974.

группы *вправе* ожидать определенного поведения. Данная модель действия лежит в основе ролевой теории¹⁷.

Понятие *драматургического* действия не отсылает ни к одинокому действующему субъекту, ни к члену социальной группы, оно касается участников взаимодействия, образующих друг для друга публику, перед взором которой они представляют себя. Действующий субъект вызывает у своей публики определенный образ, впечатление о самом себе, более или менее целенаправленно раскрывая свою субъективность. Каждый действующий может контролировать публичный доступ к сфере своих собственных намерений, мыслей, установок, желаний, чувств и т. д., к которой только он имеет привилегированный доступ. В драматургическом действии участники извлекают выгоду из этого обстоятельства и управляют своим взаимодействием посредством регулирования взаимного доступа к собственной субъективности. Центральное понятие *представления себя* означает не поведение, состоящее в спонтанном самовыражении, а учитывающую публику стилизацию выражения собственных переживаний. Модель драматургического действия служит прежде всего феноменологически ориентированным описаниям взаимодействия; однако до сих пор ее разработка не привела к возникновению какого-либо обобщающего теоретического подхода¹⁸.

Наконец, понятие *коммуникативного* действия относится к взаимодействию как минимум двух способных говорить и действовать субъектов, вступающих (с помощью вербальных или невербальных средств) в межличностные отношения. Действующие субъекты ищут взаимопонимания относительно ситуации действия с целью взаимосогласованного координирования своих планов действия, а следовательно, и своих действий. Центральное понятие *интерпретации* связано в первую очередь с выработкой способных привести к согласию определений ситуации. В данной модели действия язык получает, как мы увидим, определяющее значение¹⁹.

Понятие телеологического действия получило плодотворное развитие прежде всего в экономической теории выбора благодаря основателям неоклассического подхода, а также в теории стратегических игр благодаря Нойману и Моргенштерну. Понятие нормативно регулируемого действия приобрело парадигматическое значение для формирования теорий социальных наук благодаря Дюркгейму и Парсонсу, понятие драматургического действия — благодаря Гофману, понятие коммуникативного действия — благодаря Миду и впоследствии Гарфинкелю. Я не имею возможности проводить здесь детальное аналитическое прояснение этих четырех понятий. Меня скорее интересуют импликации рациональности в соответствующих понятиях. На первый взгляд кажется, что лишь понятие телеологического действия допускает наличие рационального аспекта действия; представленное в качестве целенаправленной деятельности действие может быть рассмотрено с точки зрения целерациональности. Это точка зрения, согласно которой действия могут более или менее рационально планироваться и осуществляться или более или менее рационально оцениваться третьим лицом. В простых случаях целенаправленной деятельности план действий может быть представлен в виде практического вывода²⁰. Три других модели действия, как кажется

¹⁷ Sarbin Th. R. Role-Theory // Lindsey G. (ed.). Handbook of Social Psychology. Vol. I. Cambridge, 1954. P. 223-258; Parsons T. Social Interaction // IESS. Vol. 7. P. 1429-1441; Joas H. Die gegenwärtige Lage der Rollentheorie. Frankfurt/Main: Athenäum, 1973; Geulen D. Das vergesellschaftete Subjekt. Zur Grundlegung der Sozialisations- und Interaktionstheorie. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1977. P. 68 ff.

¹⁸ McCall G. J., Simmons J. L. Identity and Interactions. New York: Free Press, 1966; Goffman E. Interaktionsrituale. Frankfurt/Main, 1977; Harré R., Secord P. F. The Explanation of Social Behavior. Totowa, NJ: Littlefield, Adams, 1972; Harré R. Social Being: A Theory for Social Psychology. Oxford: Blackwell, 1979.

¹⁹ Обзор символического интеракционизма и этнометодологии, дается, напр., в: Arbeitsgruppe Bielefelder Soziologen (Hg.). Alltagswissen, Interaktion und gesellschaftliche Wirklichkeit. 2 Bde. Reinbeck: Rowohlt, 1973; см. также Steinert H. Das Handlungsmodell des symbolischen Interaktionismus // Lenk H. (Hg.). Handlungstheorien interdisziplinär. Bd. 4. München: Fink, 1977. P. 79 ff.

²⁰ Согласно Anscombe G. E. M. Intention. Oxford: Blackwell, 1957; Вригт Г. Х. фон. Объяснение и понимание / Пер. с англ. Е. И. Тарусиной // Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. Избр. труды. М.: Прогресс, 1986. С. 35–241.

поначалу, не поддаются рассмотрению с точки зрения рациональности и возможной рационализации. То, что это всего лишь видимость, становится ясно, если представить себе «онтологические» — в широком смысле — предпосылки, которые необходимым образом концептуально связаны с данными моделями действия. В последовательности моделей телеологического, нормативного и драматургического действия эти предпосылки не только обретают все большую комплексность, но и обнаруживают все более сильные импликации рациональности.

а) Понятие телеологического действия предполагает наличие отношений между действующим субъектом и миром существующих положений дел. Этот объективный мир определяется как совокупность положений дел, которые существуют или возникают или могут быть вызваны в результате целенаправленного вмешательства. Модель оснащает действующего «когнитивно-волевым комплексом», вследствие чего субъект оказывается способным, с одной стороны, формировать (опосредованные восприятием) *мнения* о существующих положениях дел и, с другой стороны, развивать *намерения* с целью достижения желаемых положений дел. В семантическом плане такие положения дел представляются как пропозициональные содержания предикативных предложений и предложений цели. Посредством своих мнений и намерений действующий субъект может установить в принципе два класса рациональных отношений к миру. Я называю такие отношения рациональными, поскольку они — в зависимости от того, с чем они приводятся в соответствие²¹ — доступны объективной оценке. В одном случае ставится вопрос о том, удастся ли действующему субъекту согласовать свои восприятия и мнения с тем, что происходит в мире; в другом случае вопрос ставится о том, удастся ли действующему субъекту согласовать то, что происходит в мире, со своими желаниями и намерениями. В обоих случаях действующий субъект способен на выражения, которые могут быть оценены третьим лицом с точки зрения *fit** и *misfit*** : он может высказать утверждения, являющиеся *истинными* или *ложными*, и осуществить ориентированные на достижение цели вмешательства, имеющие успех или терпящие неудачу, т. е. *достигающие* или *не достигающие* задуманного эффекта. Эти отношения между действующим субъектом и миром предусматривают, таким образом, выражения, которые могут быть оценены по критериям *истинности* и *эффективности*.

С точки зрения онтологических предпосылок мы можем классифицировать *телеологическое действие* как понятие, предполагающее наличие *одного*, а именно объективного мира. То же самое верно и в отношении понятия *стратегического действия*. Здесь мы исходим из наличия, как минимум, двух ориентированных в своих действиях на цель субъектов, которые реализуют свои цели в направлении ориентации и влияния на решения других действующих субъектов²².

Успех действия зависит, в том числе, и от других действующих субъектов, которые всякий раз ориентированы на свой собственный успех и лишь в той мере действуют совместно, в какой это соответствует их эгоцентрическим подсчетам собственной выгоды²³.

²¹ Дж. Л. Остин говорит о *direction of fit* или *onus of match*, что Кенни (Kenny A. Will, Freedom and Power. Oxford: Blackwell, 1975. P. 38) разъясняет следующим образом: «Любое предложение может рассматриваться — *inter alia* — как описание положения дел... Предположим, что возможное положение дел, описываемое в предложении, в действительности не реализуется. Мы считаем, что в этом виновато предложение, или мы считаем, что в этом виноваты факты? В первом случае мы будем называть предложение ассерторическим, во втором мы временно дадим ему название императивного». В таком случае мы можем представить себе предложения цели как императивы, которые говорящий адресует самому себе. Следовательно, предикативные предложения и предложения цели репрезентативны для обеих доступных объективной оценке возможностей согласования предложения и положения дел.

* Соответствие (англ.). — Прим. перев.

** Несоответствие (англ.). — Прим. перев.

²² Gaefgen G. Formale Theorie des strategischen Handelns // Lenk H. (Hg.). Handlungstheorien interdisziplinär. Bd. I. München: Fink, 1980. P. 249 ff.

²³ Ср.: Höffe O. Strategien der Humanität. Zur Ethik öffentlicher Entscheidungsprozesse. Freiburg, München: Alber, 1975: «Стратегическая игра состоит из четырех элементов:

Стратегически действующие субъекты должны поэтому иметь такую когнитивную оснастку, которая позволит учитывать появление в мире не только физических объектов, но и принимающих решения систем. Они должны использовать свой концептуальный аппарат применительно к тому, что может произойти, но в более широких *онтологических* предпосылках они не нуждаются. Вместе с комплексностью сущностей внутреннего мира понятие самого объективного мира не становится более комплексным. И дифференцированная в соответствии со стратегическими действиями целенаправленная деятельность является, судя по ее онтологическим предпосылкам, *понятием-одного-мира*.

(б) Понятие же нормативно регулируемого действия предполагает отношения между действующим субъектом и двумя мирами. Кроме объективного мира существующих положений, дел появляется социальный мир, которому действующий субъект принадлежит в качестве исполнителя ролей наравне с другими действующими субъектами, которые могут вступать в нормативно регулируемые взаимодействия друг с другом. Социальный мир состоит из нормативного контекста, определяющего то, какие взаимодействия принадлежат совокупности правомерных межличностных отношений. И все действующие субъекты, для которых имеют силу соответствующие нормы (воспринимаемые ими как действенные), принадлежат одному и тому же социальному миру.

Аналогично тому, как смысл объективного мира может быть объяснен отношением к существующим положениям дел, смысл социального мира может быть объяснен отношением к существующим нормам. *Не* следует, однако, при этом понимать существование норм в смысле предложений о существовании, свидетельствующих о том, что имеются некие социальные факты наподобие нормативных регламентаций. Предложение «Верно, что q требуется», очевидно, имеет иное значение, чем предложение «Требуется, чтобы q ». Последнее предложение выражает норму, или определенное требование, если оно формулируется в надлежащей форме с притязанием на нормативную правильность, т. е. таким образом, что претендует на *действенность* в отношении некоторого круга адресатов. Тогда мы скажем, что норма существует или имеет *социальную значимость*, если она *признается* теми, кому адресуется, *в качестве действенной* или оправданной.

Существующие положения дел представлены посредством истинных высказываний, существующие нормы — посредством общих предложений долженствования или императивов, признаваемых оправданными теми, кому они адресованы. То, что некая норма *действительна* в принципе, означает: она *заслуживает* одобрения всех тех, кого касается, поскольку регулирует проблемы, связанные с тем, как действовать, в рамках их общих интересов. То, что некая норма *существует* фактически, напротив, означает: притязание на

(1) *игроков*, принимающих решения суверенных единиц, которые преследуют свои цели и действуют в соответствии с собственными соображениями и предписаниями;

(2) *правил*, определяющих переменные, которые каждый игрок может контролировать: условия получения информации, подсобные средства и другие релевантные аспекты окружения; система правил определяет тип игры, совокупность возможных способов поведения и в конце — выигрыш или проигрыш каждого игрока; изменение правил создает новую игру;

(3) конечного результата или *вознаграждений* (*pay offs*), пользы или ценности, которые соотносятся с альтернативными результатами партий игры (*plays*) (при игре в шахматы: выигрыш, проигрыш, ничья; в политике, напр., посты, общественный престиж, власть или деньги);

(4) *стратегий*, развернутых альтернативных планов действий. Они разрабатываются как с учетом и использованием правил, так и принимая во внимание альтернативно возможные ответы партнера; стратегии представляют собой систему инструкций, которые с самого начала и часто лишь в весьма общем виде определяют то, как в каждой возможной ситуации игры из множества разрешенных правилами игры ходов (*moves*, отдельных действий) выбрать нужный. При интерпретации социальной реальности с позиций теории игры определенные стратегии оказываются подходящими зачастую лишь при рассмотрении какого-либо одного фрагмента; в отношении других фрагментов должны вырабатываться новые стратегии; отдельные стратегии имеют значение частных стратегий в рамках более широкой общей стратегии.

Критерий рациональности в рамках теории игры связан не с выбором отдельных ходов, а с выбором стратегий. Сформулированный в виде максимы принятия решений базовый образец действий выражается в следующем: „Выбирай ту стратегию, которая в рамках правил игры и ввиду наличия оппонентов обещает наибольший успех“» (Р. 77 f.)

значимость, которое ей выдвигается, признается теми, кого данная норма касается, и это intersubъективное признание обеспечивает *социальную значимость* нормы.

Мы не связываем такого рода нормативное притязание на значимость с культурными ценностями, однако ценности претендуют на воплощение в нормах; они *могут* — поскольку материя нуждается в регулировании — получать всеобщую обязательность. В свете культурных ценностей потребности отдельного индивида кажутся другим индивидам, принадлежащим к той же культурной традиции, что и он, вполне понятными. И все же, будучи убедительным образом истолкованными, они трансформируются в законные мотивы действий лишь благодаря тому, что соответствующие ценности в процессе регулирования определенных проблемных ситуаций становятся для некоего круга субъектов, которых они касаются, нормативно обязательными. Члены группы вправе тогда ожидать друг от друга, что каждый из них будет ориентировать свои действия в соответствующих ситуациях на ценности, нормативно предписанные всем, кого они касаются.

Эти размышления должны показать, что модель нормативного действия оснащает действующих субъектов не только «когнитивным», но и «мотивационным комплексом», который делает возможным согласующееся с нормами поведение. Данная модель действия связана к тому же с обучающей моделью интернализации норм²⁴. Согласно ей, действующие нормы приобретают мотивирующую действия силу в той мере, в какой воплощенные в них ценности представляют собой стандарты, на основании которых потребности интерпретируются в кругу тех, кому адресована норма, и формируются в процессе обучения в виде связанных с потребностями позиций.

С учетом этих предпосылок действующий субъект может, опять же, устанавливать отношения к миру, в данном случае к социальному, которые оказываются доступны объективной оценке в зависимости от того, с чем они приводятся в соответствие. В одном случае вопрос ставится о том, согласуются ли мотивы и действия действующего субъекта с существующими нормами или отклоняются от них. В другом случае вопрос касается того, воплощают ли сами существующие нормы ценности, которые — принимая во внимание определенные проблемные ситуации — выражают способные стать обобщенными интересы тех, кого они касаются, и получают ли они тем самым одобрение со стороны тех, кому адресованы. В первом случае действия оцениваются с точки зрения того, согласуются ли они с существующим нормативным контекстом или отклоняются от него, т. е. правильны ли они относительно признаваемого легитимным нормативного контекста или нет. Во втором случае нормы оцениваются с точки зрения того, могут ли они быть оправданными, т. е. заслужили ли они признания в качестве легитимных²⁵.

²⁴ Gerth H., Mills C. W. Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions. New York: Harcourt, Brace and World, Inc, 1953; dtsh. Frankfurt/Main, 1970.

²⁵ Это, тем не менее, не предвещает вопрос о том, занимаем ли мы как социальные ученые и философы в отношении морально-практических вопросов когнитивистскую или скептическую позицию, т. е. находим ли возможной оправданность норм действия, которая относительно не только применительно к наличным целям. Т. Парсонс, например, разделяет вместе с Вебером позицию скептицизма в отношении ценностей. Используя понятие нормативно регулируемого действия, мы, однако, вынуждены описывать действующих субъектов так, как если бы они считали легитимность норм действия, все равно в каких рамках — метафизических, религиозных, теоретических, — в принципе доступной для объективной оценки. В противном случае они не основывали бы свои действия на представлении о мире легитимно регулируемых межличностных отношений и не смогли бы ориентироваться на действующие нормы, но лишь исключительно на социальные факты. Действие в согласующейся с нормами установке требует интуитивного понимания нормативной значимости, а это понятие предполагает некую возможность нормативного обоснования. Не может быть *a priori* исключено, что эта концептуальная необходимость является заложенной в языковых конвенциональных значениях иллюзией и поэтому нуждается в прояснении, например, таким образом, что мы переинтерпретируем понятие «нормативная значимость», будь то в эмоциональном ключе или в ключе принятия решений, и переписываем его с помощью других понятий, таких, например, как выражение чувств, призыв или приказ. Но действия субъектов, которым могут быть приписаны лишь такие категориально «очищенные» поведенческие ориентации, не могут более описываться в категориях нормативно регулируемого действия.

С точки зрения его онтологических — в широком смысле — предпосылок мы можем классифицировать *регулируемое нормами действие* как понятие, предполагающее *два мира*, а именно объективный и социальный. Согласно с нормами действие предполагает, что действующий субъект в состоянии проводить различие между фактическими и нормативными составляющими ситуации действия, т. е. между условиями и средствами, с одной стороны, и ценностями, с другой. Модель нормативного действия исходит из того, что участники могут занять как объективирующую позицию в отношении того, что происходит или не происходит, так и согласующуюся с нормами позицию в отношении того, что, с полным ли на то основанием при сложившихся обстоятельствах или нет, требуется. Но, как и в модели телеологического действия, действие изображается *прежде всего* как отношение между действующим субъектом и некоторым миром: там — как отношение к объективному миру, который действующий субъект познает или в который он может целенаправленно вмешиваться, здесь — как отношение к социальному миру, которому действующий субъект как исполнитель роли принадлежит в качестве адресата нормы и в котором он может устанавливать легитимно регулируемые межличностные отношения. Ни здесь, ни там, разумеется, *сам* действующий субъект не выступает как мир, к которому он мог бы отнестись рефлексивно. Лишь понятие драматургического действия требует следующей предпосылки, связанной с субъективным миром, с которым вступает в отношения действующий субъект, помещая в ходе осуществления действий на сцену самого себя.

(в) Понятие драматургического действия в научной социальной литературе очерчено менее ясно, чем понятие телеологического или нормативно регулируемого действия. Впервые его открыто применил Гофман в 1956 году в исследовании «Представление себя другим в повседневной жизни»²⁶.

С точки зрения драматургического действия социальное взаимодействие понимается как встреча, в ходе которой участники образуют друг для друга зримую публику и демонстрируют себя друг другу определенным образом. «*Encounter*»* и «*performance*»** являются ключевыми понятиями. Демонстрация, осуществляемая группой перед взором третьих лиц, является лишь частным случаем. Демонстрация служит для того, чтобы действующий субъект презентировал себя определенным образом перед своими зрителями; проявляя некую часть своей субъективности, он стремится предстать перед взором публики и быть воспринятым ею определенным образом.

Драматургические свойства действия в известном смысле паразитарны; они паразитируют на структуре ориентированного на цель действия: «Люди с определенными целями контролируют стиль своих поступков... и распространяют его на другие виды деятельности. Например, работу можно выполнять в соответствии с принципами драматургического исполнения, чтобы произвести определенное впечатление на людей, работающих инспектором или менеджером... По сути, действия людей очень редко можно

²⁶ Он характеризует с его помощью определенную аналитическую перспективу описания рядовых процессов взаимодействия: «Подход, развиваемый в данной работе, — это подход театрального представления, а следующие из него принципы суть принципы драматургические. В ней рассматриваются способы, какими индивид в самых обычных рабочих ситуациях представляет себя и свою деятельность другим людям, способы, какими он направляет и контролирует формирование у них впечатлений о себе, а также образцы того, что ему можно и что нельзя делать во время представления себя перед ними. Применяя эту модель, я буду стараться не пренебрегать ее очевидной недостаточностью. Сцена представляет зрителю события правдоподобно выдуманные; жизнь, предположительно, преподносит нам события реальные и обычно неотрепетированные. Еще важнее, вероятно, то, что на сцене актер играет в маске некоего персонажа, сообразуясь с масками, изображаемыми другими актерами. Существует и третий участник представления — публика (или аудитория), участник очень важный и тем не менее такой, которого не было бы там, если бы сценическое представление вдруг стало реальностью. В действительной жизни эти три участника сжаты в два: роль, которую играет один, приспособляется к ролям, исполняемым другими присутствующими и эти другие составляют также и публику». Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А. Д. Ковалева. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. С. 29–30.

* Встреча (англ.). — Прим. перев.

** Исполнение (англ.). — Прим. перев.

описать как *просто* поглощение пищи или *просто* труд, скорее, они обладают стилистическими особенностями, имеющими общепринятые значения, которые связаны с признанными типами личностей»²⁷.

Конечно, есть и специальные роли, которые «скроены» для виртуозного представления себя другим: «В этом отношении характерны роли профессиональных боксеров, хирургов, скрипачей, полицейских. Эти виды деятельности дают так много возможностей для самовыражения, что образцовые (реально или фиктивно) исполнители становятся знаменитыми и занимают особое место в коммерчески организованных фантазиях нации»²⁸.

Черта, стилизованная здесь под элемент профессиональной роли, а именно рефлексивный характер представления себя другим, является, однако, конститутивной для социального взаимодействия в целом — в той мере, в какой оно рассматривается исключительно с точки зрения встречи персонажей.

В драматургическом действии действующий субъект, презентуя некий образ себя, должен отнестись к своему собственному субъективному миру. Последний я определил как совокупность субъективных переживаний, к которой действующий имеет привилегированный — в отличие от других — доступ²⁹. Разумеется, эта область субъективного лишь в том случае заслуживает быть названной «миром», если значение субъективного мира может быть эксплицировано способом, сходным с тем, как я разъяснил значение социального мира через отношение к существованию норм, аналогичному существованию положений дел. Можно, вероятно, сказать, что субъективное репрезентируется через правдиво выраженные предложения, указывающие на переживания, так же, как существующие положения дел — через истинные высказывания, а действующие нормы — через обоснованные предложения долженствования. Субъективные переживания не следует понимать как ментальные состояния или эпизоды внутренней жизни; тем самым мы бы приравнивали их к сущностям, к составляющим объективного мира. Обладание переживаниями может быть понято как нечто аналогичное существованию положений дел, без уподобления одного другому. Способный к выражению субъект «имеет» или «обладает» желаниями и чувствами не в том же самом смысле, в каком наблюдаемый объект обладает размером, весом, цветом и тому подобными свойствами. Действующий субъект обладает желаниями и чувствами в том смысле, что он может выразить эти переживания в угоду публике, притом именно таким образом, чтобы эта публика приписала выраженные желания или чувства действующему субъекту, если она доверяет его экспрессивным выражениям, в качестве проявлений его субъективности.

Желания и чувства являются в этой связи показательными. Конечно, когнитивные феномены, такие как мнения и намерения, также относятся к субъективному миру, но для них характерно наличие внутреннего отношения к объективному миру. В качестве субъективных мнения и намерения осознаются только тогда, когда им не соответствует в объективном мире ни одно из существующих или вызванных к существованию положений дел. О «всего лишь» мнении, т. е. об ошибочном мнении, речь заходит, как только выясняется, что соответствующее высказывание не истинно. О лишь «благом», т. е. не

²⁷ Harré, Secord, 1972. P. 215 f.

²⁸ Гофман, 2000. С. 64.

²⁹ Я ограничусь для простоты *интенциональными* переживаниями (включая слабые интенциональные эмоциональные состояния), не обсуждая более сложный пограничный случай ощущений. Сложность состоит в том, что здесь напрашивается вводящее в заблуждение уподобление предложений, в которых говорится о переживаниях, пропозициям. Данные предложения, выражающие ощущения, имеют почти такое же значение, как и предикативные предложения, относящиеся к соответствующему внутреннему состоянию, вызванному раздражением органов чувств. В связи с возникшей дискуссией, ведущей к Витгенштейну, по поводу выражений ощущений боли ср.: Giegel H. J. Die Logik der seelischen Ereignisse: zur Theorien von L. Wittgenstein und W. Sellars. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1969; Hacker P. M. S. Illusion and Insight: Wittgenstein on Philosophy and the Metaphysics of Experience. Oxford: Clarendon Press, 1972. P. 251 ff.; dtsh. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1978; см. ниже S. 419 ff.

имеющем силы намерения, речь идет тогда, когда становится ясно, что соответствующее действие либо не осуществилось, либо не удалось. Аналогичным образом чувства обязательства, такие как стыд или вина, находятся во внутреннем отношении с социальным миром. Но в целом чувства и желания могут быть выражены *лишь* как нечто субъективное. Они не могут быть выражены *иным образом*, для них не могут быть установлены отношения с внешним миром, ни с объективным, ни с социальным. Поэтому выражение желаний и чувств определяется исключительно по рефлексивному отношению говорящего к своему внутреннему миру.

Желания и чувства — это два аспекта пристрастности, коренящейся в потребностях³⁰. Потребности имеют двойственный лик. Они дифференцируются: в волевом отношении — на склонности и желания, в другом, интуитивном, отношении — на чувства и настроения. Желания ориентированы на ситуации удовлетворения потребностей; чувства связаны с восприятием ситуаций в свете возможного удовлетворения потребностей. Природа потребностей является, так сказать, фоном пристрастности, определяющей наши субъективные установки в отношении внешнего мира. Пристрастность выражается как в активном стремлении к благам, так и в аффективном восприятии ситуаций (до тех пор, пока она не объективируется в каком-либо виде в мире и тем самым не утратит свой ситуационный характер). Пристрастность желаний и чувств выражается в языковом плане в интерпретации потребностей, т. е. в оценках, имеющих в своем распоряжении оценочные выражения. Двойственным дескриптивно-прескриптивным содержанием этих оценочных, интерпретирующих потребности выражений можно объяснить смысл ценностных суждений. Они служат тому, чтобы сделать пристрастность оправданной. Эти компоненты оправдания³¹ образуют мост между субъективностью переживания и той интересубъективной прозрачностью, которую переживание обретает благодаря тому, что оно выражается правдиво и на этом основании приписывается наблюдателем действующему субъекту. Характеризуя, например, предмет или ситуацию как великолепную, роскошную, торжественную, удачную, опасную, пугающую, ужасную и т. д., мы пытаемся одновременно и выразить пристрастность и оправдать ее в том смысле, чтобы она стала приемлемой вследствие апелляции к всеобщим, во всяком случае распространенным в нашей собственной культуре стандартам оценивания. Оценочные выражения или ценностные стандарты обладают оправдывающей силой, если они характеризуют потребность таким образом, что их адресаты, в рамках общей культурной традиции, могут распознать эти интерпретации как выражающие их собственные потребности. Этим объясняется то, почему в драматургическом действии признаки стиля, эстетическое выражение, вообще формальные свойства имеют такой большой вес.

В случае драматургического действия отношение между действующим субъектом и миром также доступно объективной оценке. Поскольку действующий субъект в присутствии публики ориентируется на собственный субъективный мир, возможно, разумеется, установление только *одного* типа соответствия. Ввиду представления себя другим ставится вопрос о том, выражает ли действующий субъект имеющиеся у него переживания адекватно моменту переживания, действительно ли он *подразумевает* именно то, что *говорит*, или же лишь инсценирует переживания, которые выражает. Пока речь идет о мнениях или намерениях, вопрос о том, говорит ли некто то, что он подразумевает, бесспорно, является вопросом о правдивости. В случае с желаниями и чувствами это не всегда так. В ситуациях, когда дело касается точности выражения, порой трудно отделить вопрос о правдивости от вопроса об аутентичности. Часто нам не хватает слов, чтобы сказать, что мы чувствуем; а это, в свою очередь, ставит сами чувства под вопрос.

Согласно модели драматургического действия участники в роли действующих лиц могут установить отношение к собственной субъективности, а в роли публики — отношение

³⁰ Ср. анализ желаний и чувств у: Taylor Ch. Erklärung des Handelns // Taylor Ch. Erklärung und Interpretation in den Wissenschaften vom Menschen. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1975.

³¹ Norman R. Reason for Actions. New York, 1971. P. 65 ff.

к экспрессивным выражениям других действующих лиц лишь сознавая, что внутренний мир Я ограничен внешним миром. В этом внешнем мире действующий субъект, разумеется, может проводить различие между нормативными и не-нормативными составляющими ситуации действия, но предложенная Гофманом модель действия не предусматривает, что он относится к социальному миру с *согласующейся с нормами* позиции. Он принимает во внимание легитимно регулируемые межличностные отношения только в качестве социальных фактов. Поэтому мне кажется, было бы правильно классифицировать и *драматургическое действие* как понятие, предполагающее *два мира*, а именно внутренний и внешний. Экспрессивные выражения демонстрируют субъективность как обособленную от внешнего мира; к последнему действующий субъект может в принципе занять лишь объективирующую установку. И это верно, в отличие от нормативно регулируемого действия, не только для физических, но и для социальных объектов.

С этой точки зрения драматургическое действие — в той мере, в какой действующий субъект обращается со зрителями не как с публикой, а как с *партнером* по игре — может допускать скрытые стратегические ходы. Шкала градаций представления себя другим простирается от искренней коммуникации по поводу собственных намерений, желаний, настроений и т. д. до циничного управления впечатлениями, вызываемыми действующим субъектом у других: «На одном полюсе исполнитель может быть полностью захвачен собственной игрой и искренне убежден, что впечатление о реальности, которое он создает, это и есть самая доподлинная действительность. Когда его аудитория тоже убеждена в правдивости разыгрываемого спектакля (а это, по-видимому, типичный случай), тогда, по меньшей мере на какое-то время, только социолог или лицо социально недовольное будут иметь некоторые сомнения насчет “реальности” представляемого. На другом полюсе...исполнитель может быть движим стремлением управлять убежденностью своей аудитории исключительно как средством для других целей и не интересоваться как конечной целью тем понятием, которое эта аудитория имеет о нем или о ситуации. Когда у человека нет веры в собственное действие и в конце концов нет интереса к верованиям своей аудитории, можно назвать его циником, закрепив термин „искренние“ за людьми, верящими во впечатление, производимое их собственным исполнением»³².

Разумеется, манипулятивное производство ложных впечатлений — Гофман изучает техники подобных *impression managements**, начиная от безобидной сегментации до продуманного длительного контроля за информацией — ни в коем случае не идентично стратегическому действию. Оно по-прежнему рассчитано на публику, которая воображает, что присутствует на представлении, не осознавая его стратегического характера. Кроме того, необходимо, чтобы стратегически задуманное представление себя понималось как выражение, осуществляемое с притязанием на субъективную правдивость. Только в том случае оно перестает подпадать под описание драматургического действия, когда и со стороны публики оценивается лишь по критериям успешности. Тогда налицо случай стратегического взаимодействия, при котором, правда, участники настолько концептуально обогатили объективный мир, что в нем есть место не только для целерационально действующих, но и для способных к экспрессивному выражению партнеров.

(3) Предварительное введение понятия «коммуникативное действие»

Понятие коммуникативного действия позволяет нам перейти к следующей предпосылке, а именно о *языковом посреднике*, где отношения действующего субъекта с миром отражаются *как таковые*. На этом уровне формулирования понятия проблематика рациональности, которая до сих пор выявлялась лишь для *социального ученого*, обращается к перспективе *самих действующих субъектов*. Необходимо разъяснить, в каком смысле языковое взаимопонимание вводится тем самым в качестве механизма координации

³² Гофман, 2000. С. 49–50.

* Управления впечатлением (англ.). — Прим. перев.

действий. Ведь и модель стратегического действия *может* быть понята таким образом, что управляемые эгоцентрическими подсчетами собственной выгоды, координируемые на основе совокупности интересов действия участников взаимодействия *опосредованы* речевыми действиями. А для нормативно регулируемого, как и для драматургического действия, *должна* быть установлена некая форма согласия между участниками коммуникации, имеющая принципиально языковую природу. Однако в этих трех моделях действия язык — в каждом случае с иной точки зрения — понимается *односторонне*.

В модели телеологического действия язык выступает в качестве одного из множества посредников, с помощью которого говорящие, ориентированные на достижение собственного успеха, воздействуют друг на друга с тем, чтобы побудить партнера к формированию или принятию желательных для себя мнений или точек зрения. Это представление о языке, исходящее из крайнего случая косвенно достигаемого взаимопонимания, лежит, например, в основе интенциональной семантики³³. Модель нормативного действия предполагает наличие языка в качестве посредника, передающего культурные ценности и привносящего согласие, которое лишь воспроизводится благодаря каждому последующему акту взаимопонимания. Это культуралистское представление о языке широко используется в культурной антропологии и ориентированном на содержательный анализ языкознании³⁴. Модель драматургического действия предполагает наличие языка в качестве посредника при представлении себя другим; при этом когнитивное значение пропозициональных компонентов и интересубъективное значение иллокутивных компонентов оказываются подчиненными его экспрессивным функциям. Язык уподобляется стилистическим и эстетическим формам выражения³⁵. Лишь модель коммуникативного действия предполагает наличие языка в качестве посредника в достижении полного взаимопонимания, причем говорящий и слушающий устанавливают отношения — исходя из горизонта их уже проинтерпретированного жизненного мира — одновременно к чему-то в объективном, социальном и субъективном мире с тем, чтобы выработать общее определение ситуации. Данное понимание языка лежит в основе различных усилий, предпринимаемых формальной прагматикой³⁶.

Односторонность трех других концептов языка проявляется в том, что выделенные с их помощью типы коммуникации оказываются пограничными случаями коммуникативного действия, а именно, *во-первых*, косвенно достигаемым взаимопониманием тех, кто ориентирован исключительно на реализацию своих собственных целей; *во-вторых*, консенсуальным действием тех, кто лишь актуализирует уже имеющееся нормативное согласие; и, *в-третьих*, ориентированным на публику представлением себя. При этом в каждом случае тематизируется лишь одна функция языка: производство перлокутивных эффектов, установление межличностных отношений и выражение переживаний. В противоположность этому модель коммуникативного действия — имеющая определяющее значение для общественных наук, непосредственно связанных с символическим интеракционизмом Мида, понятием о языковых играх Витгенштейна, теорией речевых актов Остина и герменевтикой Гадамера — равным образом учитывает все функции языка. Как можно видеть на примере этнометодологических и философско-герменевтических подходов, здесь, конечно же, существует опасность редукции социального *действия* к интерпретационной деятельности участников коммуникации, приравнивания действия к акту говорения, взаимодействия — к разговору. В действительности же языковое

³³ К этой номиналистской теории языка, разработанной Г. П. Грайсом, я еще вернусь; см. ниже.

³⁴ *Whorf B. L. Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / Ed. John B. Carroll. Cambridge, MA: MIT Press, 1956;* кроме того: *Gipper H. Gibt es ein sprachliches Relativitätsprinzip? Untersuchungen zur Sapir-Whorf-Hypothese. Frankfurt/Main: Fischer, 1972;* *Henle P. (Hg.) Sprache, Denken, Kultur. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1969.*

³⁵ *Harré, Secord, 1972. P. 215 ff;* прежде всего *Taylor Ch. Language and Human Nature. Ottawa: Carleton University, 1978.*

³⁶ *Schütze F. Sprache — soziologisch gesehen. 2 Bde. München: Fink, 1975.*

взаимопонимание является лишь механизмом координации действий, соединяющим во взаимодействии планы действий и целенаправленную деятельность участников.

Здесь я дам лишь предварительное определение понятия коммуникативного действия. При этом я ограничусь замечаниями а) о характере самостоятельных действий и б) о рефлексивном отношении действующих субъектов к миру в процессах достижения взаимопонимания.

а) Чтобы с самого начала избежать неверных постановок, касающихся понятия коммуникативного действия, я бы хотел охарактеризовать степень комплексности речевых действий, которые выражают одновременно пропозициональное содержание, наличие межличностного отношения и интенцию говорящего. В ходе анализа станет ясно, насколько данное понятие обязано восходящим к Витгенштейну исследованиям в области философии языка; именно поэтому я считаю уместным указать на то, что понятие следования правилам, на которое опирается аналитическая философия языка, слишком узко. Если понимать языковые конвенции из перспективы понятия следования правилам и объяснять их с помощью понятия интенционального действия, отсылающего к осознанию этих правил, утрачивается важный для меня аспект *тройственного отношения к миру*, реализуемого коммуникативным действием³⁷.

Действиями я называю лишь такие символические выражения, с помощью которых действующий субъект, как в рассмотренных выше случаях телеологического, нормативного и драматургического действий, устанавливает отношение к, как минимум, одному миру (*один из которых* при этом всегда объективный). Данные действия я отличаю от *телесных движений и операций*, которые *со-осуществляются* в действиях и лишь *вторичным образом*, а именно через *включенность в игровую или учебную практику*, могут обрести статус самостоятельных действий. Это можно легко продемонстрировать на примере телесных движений.

С точки зрения наблюдаемых в мире процессов действия предстают как телесные движения организма. Эти управляемые центральной нервной системой телесные движения составляют основу для осуществления действий. С помощью своих движений действующий субъект производит некоторые изменения в мире. Разумеется, мы можем отличить движения, посредством которых субъект вмешивается в мир (действуя инструментальным образом), от движений, посредством которых субъект воплощает некое значение (выражаясь коммуникативным образом). В обоих случаях телесные движения вызывают физическое изменение в мире; в одном случае оно обладает каузальной релевантностью, в другом — семантической релевантностью. Примерами каузально релевантных телесных движений являются: принятие телом определенного положения, разведение в стороны пальцев руки, подъем руки, сгибание ноги и т. д. Примерами семантически релевантных телесных движений являются: движения гортани, языка, губ и т. д. при производстве фонетических звуков; кивок головой, пожимание плечами, движения пальцев во время игры на рояле, движения руки во время письма, рисования и т. д.

³⁷ Исходя из сходных оснований М. Рохе настаивает на различии *языковых* и *социальных* конвенций: «Для школы аналитической философии было характерно не видеть противоположности, существующей между интенцией и конвенцией; согласно ее представлениям последняя содержит первую и наоборот» (Roche M. Die philosophische Schule der Begriffsanalyse // Wiggershaus R. (Hg.) Sprachanalyse und Soziologie. Die sozialwissenschaftliche Relevanz von Wittgensteins Sprachphilosophie. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1975. P. 187). Можно было бы сказать, соглашается Рохе, «что коммуникативные конвенции являются вполне определенным видом социальных конвенций; что жизнь обычного языка и его использование в социальных ситуациях могут быть описаны независимо от социального взаимодействия в социальных ситуациях. Однако данное утверждение с трудом поддается обоснованию, впрочем, понятийный анализ и не заинтересован в его разъяснении. Он считает, и вполне обоснованно, что анализ понятий требует анализа „языковых игр“ и социальных „форм жизни“ (Витгенштейн) или что анализ речевых актов требует анализа социальных актов (Остин). Из этого, однако, делается ошибочный вывод, что конвенции коммуникации являются парадигмами вмещающих их социальных конвенций и что употребление языка находится в точно таком же отношении к коммуникативной конвенции, в каком социальное действие — к какой-либо социальной конвенции» (там же, P. 188 f).

А. К. Данто проанализировал эти движения в качестве *basic actions*³⁸. Это вызвало оживленную дискуссию, поводом к которой послужило представление о том, что телесные движения представляют не основу, благодаря которой действия являют себя в мире, а что они сами являются простейшими действиями³⁹. Комплексное действие, согласно данному представлению, характеризуется тем, что оно осуществляется «посредством» выполнения другого действия: «посредством» поворота выключателя я включаю свет, «посредством» подымания моей правой руки я приветствую кого-либо, «посредством» сильного удара по мячу я забиваю гол. Все это примеры действий, которые выполняются «посредством» некоего базового действия. Базовое действие характеризуется со своей стороны тем, что оно не может быть выполнено посредством некоего последующего действия. Я считаю данное представление ошибочным.

В известном смысле действия реализуются посредством движений тела, но лишь таким образом, что действующий субъект *со-осуществляет* эти движения, следуя техническому или социальному правилу действия. Со-осуществление означает, что действующий субъект имеет целью исполнение некоего плана действий, но не телесное движение, с помощью которого он реализует свои действия⁴⁰. *Телесное движение является элементом действия, но не действием.*

Что касается их статуса самостоятельных действий, то *телесные движения* оказываются в таком случае сходными именно с теми *операциями*, исходя из которых Виттгенштейн развивает свое понятие правила и следования правилам.

Мыслительные и речевые операции со-осуществляются всегда лишь внутри *других* действий. Они могут в случае необходимости *становиться самостоятельными* действиями в рамках некой практики упражнения — когда, скажем, учитель латыни демонстрирует на занятии пример преобразования предложения из пассивного залога в активный.

В этом заключается и особая эвристическая польза модели социальных игр; Виттгенштейн ведь поясняет правила операций главным образом на примере игры в шахматы. Он, конечно, не видит, что эта модель имеет ограниченную ценность. Разумеется,

³⁸ Danto A. C. Basishandlungen // Meggle G. (Hg.) Analytische Handlungstheorie. Bd. I. Handlungsbeschreibungen. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1977. P 89 ff.; Danto A. C. Analytical Philosophy of Action. Cambridge: Cambridge University Press, 1973; dtsh. Königstein, 1979.

³⁹ Ошибочное впечатление, что координируемые действиями телесные движения сами являются базовыми действиями, может быть, пожалуй, подкреплено ссылкой на упражнения, во время которых нашей целью являются самостоятельные действия *как таковые*. При проведении терапевтических мероприятий или во время спортивной тренировки, в целях анатомической демонстрации, на уроке пения или иностранного языка или с целью наглядного объяснения утверждений теории действия любой субъект, способный говорить и действовать, может, разумеется, поднять по требованию левую руку, согнуть указательный палец правой руки, развести в стороны пальцы руки, повторить гласные звуки в определенном ритме, произвести шипящие звуки, выполнить с помощью карандаша круговое или спиралеобразное движение, нарисовать прямую линию, переходящую в извилистую, произнести английское «th», придать телу прямую осанку, закатить глаза, произнести предложение в определенном стихотворном размере, повысить или понизить голос, расставить ноги и т. д. Но тот факт, что такого рода телесные движения могут выполняться как интенциональные, не противоречит тезису о том, что они представляют собой *несамостоятельные действия*. Это проявляется в том, что при выполнении этих интенциональных телесных движений отсутствует привычная *структура опосредования* действия:

(1) S открывает окно, выполняя с помощью своей руки вращательное движение; а вот следующая фраза прозвучала бы неестественно:

(2) S (намеренно) поднимает свою правую руку, поднимая свою правую руку.

Интенционально выполняемое телесное движение может быть понято, конечно, и как часть некой *практики*:

(2') Во время занятий гимнастикой S выполнил требование тренера поднять правую руку, подняв правую руку. Если самостоятельные действия и способны выступать *в качестве* действий, то они, как правило, должны быть включены в практику демонстрации или упражнения. Требования упомянутого рода всегда возникают в контексте некоторой практики, направленной на демонстрацию или упражнение самостоятельных элементов действий как *таковых*. Упражнение может быть частью обычного процесса обучения подрастающего поколения, но может входить в состав и какой-либо практики тренировки, способствующей овладению специальными действиями: *навыками*.

⁴⁰ Goldmann A. I. A Theory of Human Action. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1970.

мы можем понимать арифметические вычисления или речь в качестве практики, которая конституируется посредством применения правил арифметики или грамматики (определенного языка) — способом, аналогичным тому, как конституируется практика игры в шахматы посредством применения известных правил игры. Однако обе практики отличаются друг от друга так же, как со-осуществляемое движение рук — от гимнастического упражнения, выполняемого с помощью этого движения рук. Применяя арифметические или грамматические правила, мы создаем такие символические объекты, как решения или предложения, но их существование не является самодостаточным. С помощью решений или предложений мы обычно выполняем *другие* действия, как, например, школьные домашние задания или приказы. Оперативно созданные продукты, рассмотренные сами по себе, могут расцениваться как более или менее корректные, согласующиеся с правилом или хорошо сформулированные; однако в отличие от действий они не поддаются под критику с точки зрения истинности, эффективности, правильности или правдивости, поскольку начинают соотноситься с миром, лишь будучи включенными в структуру других действий. *Операции не затрагивают мир.*

Это проявляется, в частности, в том, что правила операций могут служить тому, чтобы идентифицировать некий оперативно созданный продукт, т. е. сделать его *понятным*, в качестве более или менее хорошо сформулированного, но не тому, чтобы *объяснить* возникновение самих операций. Они позволяют ответить на вопрос, о чем идет речь в случае начертанных символов: о предложениях, измерениях, решениях, и, при необходимости, о каком именно решении. Доказательство того, что некто выполнил решение, более того, правильное решение, не объясняет, тем не менее, того, *почему* он выполнил это решение. Если мы хотим ответить на *этот* вопрос, мы должны обратиться к правилу *действия*, например к тому обстоятельству, что ученик использовал данный листок бумаги при решении математической задачи. С помощью арифметического правила мы можем *обосновать*, почему он продолжает ряд чисел 1, 3, 6, 10, 15... рядом чисел 21, 28, 36 и т. д.; но не можем *объяснить*, почему он пишет эту последовательность чисел на листке бумаги. Мы проясняем тем самым значение символического продукта и не даем какого-либо рационального объяснения его осуществления. Правила операций не имеют объяснительной силы; ибо следование им не означает — как в случае следования правилам действий, — что действующий субъект устанавливает отношение к чему-то в мире и ориентируется при этом на притязания на значимость, связанные с мотивирующими действия причинами.

б) Данные размышления должны показать, почему мы не можем анализировать конститутивные для коммуникативных действий акты понимания так же, как грамматические предложения, с помощью которых они осуществляются. Для модели коммуникативного действия язык обладает релевантностью исключительно с прагматической точки зрения, т. е. с точки зрения того, что говорящие, употребляя предложения с ориентацией на взаимопонимание, устанавливают отношения к миру — и не непосредственно, как в случае телеологического, нормативного или драматургического действия, а рефлексивным образом. Говорящие интегрируют три формальных концепта мира, которые в других моделях действия проявляются по отдельности или попарно, в одну систему и совместно удерживают ее в качестве интерпретационной рамки, в пределах которой они могут достигать взаимопонимания. Они более не устанавливают *напрямую* отношения к чему-либо в объективном, социальном или субъективном мире, а соотносят свои выражения с возможностью того, что их значимость может быть оспорена другими действующими субъектами. Взаимопонимание функционирует в качестве координирующего действия механизма лишь таким образом, в соответствии с которым участники взаимодействия соглашаются с тем, что их выражения претендуют на *действенность*, т. е. с *притязаниями на значимость*, которые они взаимно выдвигают и признают друг за другом. Говорящий делает значимым притязание, которое может быть подвергнуто критике, устанавливая посредством своего высказывания отношение к, как минимум, одному из «миров», при этом то обстоятельство, что это отношение между действующим субъектом и

миром принципиально доступно объективной оценке, служит тому, чтобы побудить партнера к рационально мотивированному высказыванию своей точки зрения. Понятие коммуникативного действия исходит из того, что язык является посредником такого рода процесса взаимопонимания, в ходе которого участники, устанавливая отношение к миру, взаимно выдвигают притязания на значимость, которые могут быть приняты и оспорены.

Данная модель действия предполагает, что участники взаимодействия мобилизуют потенциал рациональности, заложенный, согласно нашему предыдущему анализу, в трех отношениях действующего субъекта к миру, именно для достижения совместно преследуемой цели взаимопонимания. Если оставить в стороне вопрос о том, насколько хорошо сформулировано употребляемое символическое выражение, то мы можем сказать, что действующий субъект, который в этом смысле ориентирован на взаимопонимание, должен посредством своего выражения имплицитно выдвинуть ровно три притязания на значимость, а именно притязание на то, что

— произнесенное высказывание истинно (т. е. что предпосылки существования упомянутого пропозиционального содержания предложения выполнены в действительности);

— речевое действие правильно относительно действующего нормативного контекста (т. е. что легитимен сам нормативный контекст, которому оно должно соответствовать); и

— манифестируемая речевая интенция подразумевается так, как она выражается.

Говорящий, таким образом, притязает на истинность высказываний или presuppositions существования, на правильность легитимно регулируемых действий и их нормативного контекста и на правдивость изъясления субъективных переживаний. Мы без труда узнаем здесь три отношения действующего субъекта к миру, которые в проанализированных ранее понятиях действия устанавливались *социальным ученым* и которые, однако, в понятии коммуникативного действия приписываются перспективе *самих говорящих и слушающих*. Сами действующие субъекты являются теми, кто ищет согласия и соизмеряет свои действия с истинностью, правильностью и правдивостью, т. е. с *fit* и *misfit* между, с одной стороны, речевым действием и, с другой стороны, тремя мирами, к которым действующий субъект устанавливает отношения посредством своего выражения. Такого рода отношение устанавливается соответственно между выражением и

— объективным миром (как совокупностью всех сущностей, о которых возможны истинные высказывания);

— социальным миром (как совокупностью всех легитимным образом регулируемых межличностных отношений); и

— субъективным миром (как совокупностью переживаний говорящего, к которым он имеет привилегированный доступ).

Любой процесс взаимопонимания осуществляется на фоне культурно обусловленного предпонимания. Фоновое знание остается в целом непроблематизируемым; проверке подвергается лишь часть запаса знания, которую участники взаимодействия всякий раз задействуют и тематизируют в ходе своих интерпретаций. В той мере, в какой определения ситуации вырабатываются *самими* участниками, именно переговоры по определению каждой новой ситуации и предоставляют в распоряжение этот тематический фрагмент жизненного мира.

Определение ситуации устанавливает порядок. С его помощью участники коммуникации упорядочивают различные элементы ситуации действия всякий раз относительно одного из трех миров и инкорпорируют тем самым актуальную ситуацию действия, относящуюся к их жизненному миру, уже предварительно проинтерпретированному. Определение ситуации партнера, которое *prima facie** различается с моим собственным определением ситуации, представляет особую проблему, ведь в процессе совместных истолкований ни один из участников не обладает монополией на

* На первый взгляд (лат.). — Прим. перев.

интерпретацию. Для обеих сторон задача интерпретации заключается в том, чтобы включить толкование ситуации, принадлежащее другому, в свое собственное толкование таким образом, чтобы в пересмотренном варианте «его» внешний мир и «мой» внешний мир оказались бы соотнесенными на фоне «нашего жизненного мира» с «миром», а различия друг с другом определения ситуации — в достаточной степени совмещенными. Это, разумеется, не значит, что интерпретации в каждом отдельном случае или пусть даже в большинстве случаев должны вести к *стабильному и однозначно дифференцированному* соответствию. Стабильность и однозначность в повседневной коммуникативной практике являются скорее исключением. Гораздо реалистичнее очерченный этнометодологией образ диффузной, ломкой, непрерывно пересматриваемой, лишь на короткое время налаживаемой коммуникации, в ходе которой участники опираются на проблематичные и непроясненные пресуппозиции и на ощупь продвигаются от одной окказиональной общности к другой.

Чтобы избежать недоразумений, я хотел бы повторить, что модель коммуникативного действия не отождествляет действия с коммуникацией. Язык является посредником коммуникации, который служит взаимопониманию, в то время как действующие субъекты, устанавливая взаимопонимание друг с другом с целью координации своих действий, всякий раз преследуют определенные цели. В этом отношении телеологическая структура фундаментальна для *всех* понятий действия⁴¹. Но понятия *социального действия* различаются тем, как они рассматривают *координацию* целенаправленных действий разных участников взаимодействия: как взаимопереплетение эгоцентрических подсчетов собственной выгоды (причем степень конфликта и кооперации изменяется вместе с имеющейся на данный момент совокупностью интересов); как интегрирующее в социальном плане согласие относительно ценностей и норм, регулируемое культурной традицией и процессом социализации; как консенсуальное отношение между публикой и исполнителем роли; или же как взаимопонимание в смысле взаимного процесса истолкования. Во всех случаях телеологическая структура действия предполагается в той мере, в какой действующим субъектам приписывается способность ставить цели и осуществлять целенаправленные действия, а также интерес к реализации своих планов действий. Но лишь модель стратегического действия *довольствуется* прояснением отличительных черт действия, непосредственно ориентированного на успех, в то время как остальные модели действия специфицируют условия, при которых действующий субъект преследует свои цели — условия легитимности, представления себя другим или коммуникативно достигаемого согласия, при которых Другой может «присоединить» свои действия к действиям Я.

В случае коммуникативного действия интерпретационная деятельность, исходя из которой разворачиваются совместные процессы истолкования, представляет собой механизм координации действий; *коммуникативное действие* не растворяется в осуществляемом в ходе интерпретации *акте взаимопонимания*. Если мы возьмем в качестве единицы анализа простой *речевой акт*, осуществленный S, с которым, как минимум, один участник может либо согласиться, либо не согласиться, мы сможем прояснить условия коммуникативной *координации действий*, показав, что значит для слушающего понять значение сказанного⁴². Но коммуникативное действие обозначает такой тип взаимодействия, которое координируется посредством речевых действий, не совпадая с последними.

Перевод с немецкого Татьяны Тягуновой

⁴¹ Bubner, 1976. P. 168 ff.

⁴² См. ниже S. 397 ff.